

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-99-109
EDN: VSOUFS

Научная статья

Устная речь и спонтанный дискурс: бурятский язык

Э.З. Нимаева

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Российская Федерация, 670000, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
 nimaeva.erzhena@mail.ru

Аннотация. Сегодня большой интерес исследователей вызывает устная речь, так как современная лингвистика стремится не только описывать нормативную, как правило, письменную речь, но и объяснять причины грамматических отклонений, проявляющихся в устной речи. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в теоретической литературе термина «устный спонтанный дискурс». Цель исследования — выработать обобщенное представление об устном спонтанном дискурсе как об объекте научного исследования и дать определение устного спонтанного дискурса на основе материалов научных трудов в области нейропсихологии, психолингвистики и анализа дискурса. В исследовании рассматриваются основные характеристики устной спонтанной речи и дискурса, особое внимание уделяется понятию спонтанности речи, что составляет новизну исследования. В статье приведен краткий анализ примеров устной монологической речи (неспонтанной и спонтанной) на бурятском языке, проведенный при помощи слухового анализа и компьютерной программы Speech Analyzer, предлагается вариант определения устного спонтанного дискурса.

Ключевые слова: устная речь, дискурс, устный дискурс, спонтанная речь, устный спонтанный дискурс, бурятский язык

История статьи: поступила в редакцию 08.08.2022; принята к печати 04.01.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Нимаева Э.З. Устная речь и спонтанный дискурс: бурятский язык // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 99–109. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-99-109

© Нимаева Э.З., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Spoken Speech and Spontaneous Discourse: Buryat Language

Erzhena Z. Nimaeva

Dorzhi Banzarov's Buryat State University,
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation
 nimaeva.erzhena@mail.ru

Abstract. Nowadays spoken speech is of great interest to researchers, because modern linguistics aims not only to describe normative, as a rule, written speech, but also to explain the causes of grammatical deviations appearing in spoken speech. The urgency of the article is due to the absence of the term “oral spontaneous discourse” in the theoretical literature. The purpose of the research is to attempt to get a holistic view of spoken spontaneous discourse as an object of scientific research and to make up a possible version of definition of this concept based on the data of scientific works in the field of neuropsychology by A.R. Luria, in the field of psycholinguistics by A.A. Leontiev and in the field of discourse analysis by A.A. Kibrik. The article explores main features of spoken spontaneous speech and discourse, and special attention is paid to the concept of spontaneity of speech. There is a brief analysis of examples of spoken monologue speech (not spontaneous and spontaneous) in Buryat language, which was made by an auditory voice analysis and with use of computer program “Speech Analyzer”, the article formulates a variative and relatively precise definition of spoken spontaneous discourse.

Key words: spoken language, discourse; spoken discourse; spontaneous speech; spoken spontaneous discourse, Buryat language

Article history: received 08.08.2022; accepted 04.01.2023

Conflict of interests: none

For citation: Nimaeva, E.Z. 2022. “Spoken Speech and Spontaneous Discourse: Buryat Language”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (1):99–109. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-99-109

Введение

На протяжении истории развития науки о языке предметом изучения чаще являлась письменная речь. Недостаточную изученность устной речи можно объяснить следующими причинами:

- в целом изучение языка, как известно, началось с возникновением разных систем письма, с изучения письменных памятников;
- до появления приборов, регистрирующих устную речь, письмо являлось практически единственным материалом изучения языка и речи;
- в связи с важностью определения и регистрации норм речи основное внимание всегда уделялось письменной речи.

На современном этапе лингвистики очевидно пристальное внимание к устной речи как к объекту исследования с точки зрения новой парадигмы: лингвистика все больше стремится описывать не только нормативную речь, но и ее отклонения, что сложно представить без изучения психонейрофизиологических механизмов речепорождения, т.е. без рассмотрения проблем конструирования устной речи в психолингвистическом аспекте.

Обсуждение

Наш научный интерес вызывает устный спонтанный дискурс. В данном случае мы сужаем обширное понятие дискурса до дискурса с характеристиками устной формы и спонтанности, что требует отдельного рассмотрения данных характеристик с психолингвистической позиции. Для того чтобы обзор идей получился более или менее последовательным во времени и системным с точки зрения охвата различных функциональных проявлений, представим описание объекта в трудах А.Р. Лурии, А.А. Леонтьева и А.А. Кибрика.

Устная речь, как и письменная, считается формой развернутой внешней речи. По мнению А.Р. Лурии устная речь, в свою очередь, может осуществляться в трех основных формах: в форме восклицания, диалогической и монологической речи. Речевые восклицания являются, как считает ученый, скорее, аффективными речевыми реакциями на какое-либо неожиданное явление, поэтому их не следует считать подлинной речью. Для диалогической и монологической устной речи общими особенностями являются: 1) обращенность к собеседнику с возможностью в зависимости от его реакции корригировать высказывание по ходу сообщения — «опускать уже известное, дополнять и развертывать неизвестное или недостаточно понятное»; так в некоторых случаях монологическая речь может переходить в скрытую форму диалогической речи; 2) наличие кроме средств языковых кодов дополнительных выразительных средств или «маркеров» (просодические маркеры — интонация, паузы и т. д., внеязыковые средства — мимика, выразительные жесты и т. д.) [1. С. 215].

Существуют другие классификации типов и форм речевого поведения, например, классификации Ф. Кайнца, Б. Скиннера, Ч. Фриз, Дж. Кэррол, Г.А. Золотовой. Так, Ф. Кайнц, которому, как отмечает А.А. Леонтьев, принадлежит наиболее полная классификация речевых высказываний, выделяет инициативную или спонтанную, реактивную, имитативную, автоматическую и стохастическую речь [2. С. 136].

Анализируя диалогическую речь, А.Р. Лурия приходит к следующим выводам: 1) устная диалогическая речь может не исходить из готового внутреннего мотива, так как «во время диалога мотив, побуждающий к высказыванию, заключен не во внутреннем замысле самого субъекта, а в вопросе спрашивающего, в то время как ответ на этот вопрос исходит из заданного

собеседником вопроса»; 2) устное диалогическое высказывание определяется знанием ситуации участником, тема разговора может находиться за пределами речевого высказывания, что, в свою очередь, определяет грамматический строй речи; 3) устная диалогическая речь характеризуется тем, что в ней допускается значительная грамматическая неполнота (эллипсы или элизии), что обуславливается возможностью использования участником диалога внеязыковых компонентов (мимики, жестов, интонации, пауз и т.д.) [1. С. 210]. Диалогическая речь по Лурии, как отмечает А.А. Леонтьев, соотносится с реактивной речью Кайнца, под которой понимается «ответ на поставленный собеседником вопрос, когда речь не спонтанна в строгом смысле и частично перекрывает вопрос по характеру используемых средств» [2. С. 136].

Устная монологическая речь — устное повествование или развернутое высказывание на заданную тему. Сохраняя ряд признаков, присущих всем формам устной речи, она отличается необходимым наличием мотива высказывания и общего замысла, который создается говорящим. Оба эти фактора должны «обладать достаточной прочностью и оказывать детерминирующее влияние на протекание всего развернутого монологического высказывания, состоящего из нескольких смысловых групп (chunks), связанных между собой в целостную, „замкнутую“ структуру. Программа высказывания должна тормозить все побочные ассоциации, которые могут привести к отвлечениям, и удерживать говорящего от многократного повторения элементов высказывания. Побочные нарушения „замкнутой семантической системы“ высказывания можно наблюдать как на ранних этапах развития речевого высказывания, так и в случаях его патологии, возникающих при мозговых поражениях» [1. С. 213]. А.А. Леонтьев отмечает, что устная монологическая речь, согласно Лурии, является эквивалентом «инициативной речи» Кайнца, когда «некто по собственной инициативе и с самостоятельным выбором языкового материала формулирует усвоенное и обработанное им самим предметное и смысловое содержание при помощи выразительных средств языка» [2. С. 136].

Кроме того, А.Р. Лурия обращает внимание на возможность взаимовлияния устной и письменной форм речи, что, по мнению ученого, имея лишь частное значение, представляет существенный интерес для психологического анализа этих форм речи.

Так, заслуживает интереса «осознанность vs. неосознанность речепроизводства». Согласно А.Р. Лурии, при письменной речи средства кодирования мысли являются предметом сознательного действия, в процессе устного речепорождения — бессознательного. Хотя письменная речь должна обладать достаточной грамматической полнотой, так как в ней отсутствуют внеязыковые средства, человек, находящийся на начальной стадии овладения письменной речью, может писать так, как он говорит, и так, как он действует (пример А.Р. Лурии: «Здравствуйте, дорогие мама, папа, сестра Нина и брат Коля. Пишет вам ваша сестра Катя. Я хочу вам передать то-то, то-то и то-то, а еще

я вам хочу сказать то-то, то-то и то-то»). Ученый отмечает, что не только устная речь может оказывать воздействие на письменную, но и письменная — на устную, когда речь имеет «канцелярский» стиль, не допускающий эллипсов или неправильностей: «...у человека, обладающего хорошо развитой автоматизированной письменной речью, нередко правила письменной речи начинают переноситься в устную речь, и такой человек начинает говорить так, как он пишет» [1. С. 221, 222] .

Рассмотрев характеристики устной речи, выделенные А.Р. Лурией и А.А. Леонтьевым, обратимся к понятию устного дискурса, а именно к вопросу о том, отражается ли в новом именовании речи некая дополнительная характеристика. В отечественной лингвистике одним из ученых, занимающихся исследованием дискурса в когнитивной перспективе, является А.А. Кибрик. Термин «дискурс» означает «речь, процесс языковой деятельности; способ говорения» и используется во многих гуманитарных науках. В современной лингвистике данный термин по смыслу близок к понятию «текст» и подчеркивает «динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения». А.А. Кибрик отмечает, что понимание дискурса, включающее одновременно два компонента — динамический процесс языковой деятельности и ее результат (текст), — является более предпочтительным [3. С. 10]. Соответственно, дискурс — это «единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста... Дискурс, помимо самого текста, включает также разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания» [3. С. 4]. Приведенные определения А.А. Кибрика раскрывают соотношение дискурса и текста в их нетождестве, указывая прежде всего на то, что эти категории принадлежат разным научно-исследовательским парадигмам.

Молодая научная дисциплина «дискурсология» формируется на основе интегрирования системоцентрического и антропоцентрического подходов, детерминируя тем самым междисциплинарные стратегии изучения явления, что также раскрывается в определении дискурса, данном в Большом лингвистическом словаре В.Д. Стариченка: это «связный текст, взятый в событийном аспекте. Дискурс рассматривается в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими, прагматическими, словесно-интонационными и другими факторами. Он представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание их контактов, оказание воздействия друг на друга на эмоциональном и информационном, вербальном и невербальном уровнях. В дискурсе отражаются идеология, мышление, коммуникативные стратегии представителей определенной эпохи...» [4. С. 177].

Таким образом, устный дискурс в широком смысле представляет собой устную речь как единство процесса устного речепорождения и его результата (текста) в событийном аспекте, испытывающее влияние множества

вовлекаемых в коммуникативный акт факторов (социокультурных, психологических, прагматических), которые не носят внешне материального характера, а представляют собой внутренние параметры миропонимания говорящего. Здесь возникает вопрос, какую роль играют или какой вклад вносят в вектор конструирования устного дискурса сопровождающие его лингвистические факторы. В качестве гипотезы возьмем тезис о том, что они, вполне вероятно, могут обеспечивать такую ключевую характеристику, как спонтанность.

Устная спонтанная речь характеризуется самопроизвольностью и отсутствием непосредственного воздействия извне. Л.С. Выготский, рассуждая об обучении грамматике в школе с психологической точки зрения, отождествляет произвольность с сознательностью и намеренностью, а непроизвольность — с неосознаваемостью и спонтанностью: «Задолго до школы он [ребенок] практически владеет всей грамматикой родного языка. Он склоняет и спрягает, но он не знает, что он склоняет и спрягает... Это есть центральный факт, который относится и ко всем остальным речевым операциям ребенка... Значит, ребенок владеет известными умениями в области речи, но он не знает, что он ими владеет. Эти операции неосознанны. Это сказывается в том, что он владеет ими спонтанно, в определенной ситуации, автоматически, т.е. владеет ими тогда, когда ситуация в каких-то своих больших структурах вызывает его на проявление этих умений, но вне определенной структуры — произвольно, сознательно и намеренно — ребенок не умеет сделать того, что умеет делать непроизвольно» [5. С. 289].

Спонтанность речи в исследованиях А.А. Леонтьева также сопоставляется с понятиями неосознанности и произвольности: «У истоков любой сознательной операции лежит неосознанность, спонтанность; ребенок, начиная говорить (и долго после этого), не осознает своей речи... Переходя от спонтанной неосознаваемой речи к контролируемому речевому поведению, мы повышаем степень произвольности речи...» [2. С. 231]. Ученый проводит разграничение между спонтанной речью и контролируемой: «если спонтанная речь в „чистом“ (возможном, конечно, только теоретически) случае жестко детерминирована и не допускает вариативности в своем осуществлении (или эта вариантность оказывается случайной), а перебор вариантов в ней является автоматическим (выбирается тот из них, который соответствует данным параметрам), то контролируемая речь допускает сознательный перебор вариантов и выбор из них оптимального, т.е. допускает опору на факультативные, вводимые „снаружи“ (даже *ad hoc*) параметры... Если спонтанная речь... дана в своих предпосылках, то речь контролируемая лишь задана». Кроме того, А.А. Леонтьев формулирует наиболее общую характеристику сознательного или контролируемого, т.е. неспонтанного речевого поведения, кото-

рая заключается в констатации «множественности потенциалов при условии единственной реализации» [2. С. 260, 261].

В данной формулировке речь идет об известном вероятностном (вариантном) характере процессов речепорождения, и в таком случае можно сформулировать зависимость: чем меньше вариантов построения высказывания относительно обращения к ментальному лексикону и ментальной грамматике, тем выше уровень его спонтанности. Кроме того, можно предположить, что уровень контролируемости / неспонтанности никогда не равен нулю.

Об этом свидетельствует тот факт, что при порождении монологического высказывания наличествует процесс планирования: «Показано, что при некоторых видах монолога фазы хезитации (маркируемые более частыми и длительными паузами) чередуются с фазами более беглой речи. Фазы хезитации свидетельствуют о том, что говорящий обдумывает цели и извлекает хранящуюся информацию; более короткие и менее частые паузы в фазах беглой речи позволяют говорящему придавать словам окончательную форму. Зрительный контакт поддерживается в течение 50 % фазы беглой речи и 20 % фазы хезитации» [6. С. 180].

Это нашло свое подтверждение в проведенном нами кратком анализе двух небольших фрагментов устного дискурса — неспонтанного и спонтанного — из выпуска телепередачи «Вести Бурятия (на бурятском языке)» на телеканале ГТРК «Бурятия» от 03.03.2022 (<https://bgtrk.ru/tv/russia-1/russia-1-ezhednevnyu-vypusk/213863/>). Ниже даны тексты проанализированных дискурсов, представлены их осциллограммы и тонограммы (рис. 1, 2), созданные при помощи компьютерной программы Speech Analyzer, а также переводы на русский язык без обозначений пауз. Следует отметить, что мы согласны с мнением А.А. Кибрика о том, что «любая система дискурсивной транскрипции должна признавать принципиальную возможность альтернативных интерпретаций» ввиду возможных помех в аудиозаписи и невозможности отражать в транскрипте все мыслимые интерпретации [7. С. 53].

Мы определили конкретные параметры анализа, основываясь на материале научных трудов А.Р. Лурии, А.А. Леонтьева и А.А. Кибрика. Итак, в качестве параметров анализа устного дискурса могут выступать следующие характеристики:

- 1) событийный аспект (влияние социокультурных, психологических и других факторов);
- 2) предварительная подготовленность / неподготовленность текста;
- 3) знание темы коммуникации говорящим;
- 4) обращенность к живому собеседнику;
- 5) мотив высказывания и возможность корригировать высказывание;
- 6) грамматическая полнота / неполнота;
- 7) наличие дополнительных выразительных средств или «маркеров».

Принятые условные обозначения:

... (...) — обозначение паузы в секундах;

/ — обозначение начала нового грамматического предложения.

1. Устный неспонтанный дискурс

«Бурядай һурагшад гурбадахи жэлээ һуралсалай, трамвайгаар экскурсида ябана ... (0,4151) / Нэгэ сагай туршада тэдэ ниислэл хотын, э, ... (0,4344) нэрээр суутай байшангуудтай, хүшөөнүүдтэй танилсажа, үйлсын түүхы мэдэдэг болоно ... (0,3132) / Жэшээн, хэды ондо ЛВРЗ баригдааб али Бабушкинай гудамжа юундэ иимэ нэрэтэйб гэжэ ... (0,3363) ниитын ... (0,1829) унаан соо хөөрэгдэнэ ... (0,4325) / Залуу зондо зорюулагдаһан ябуулгада манай сурбалжалагша хандаа».

Узуально-нормативный перевод на русский язык: «Бурятские школьники третьего года обучения посещают экскурсии на трамвае. За время экскурсии они узнают об известных зданиях и памятниках столицы, истории улиц. Например, в каком году был построен ЛВРЗ или почему улица Бабушкина названа именно так, рассказывается в общественном транспорте. С молодыми пассажирами поговорил наш корреспондент...»

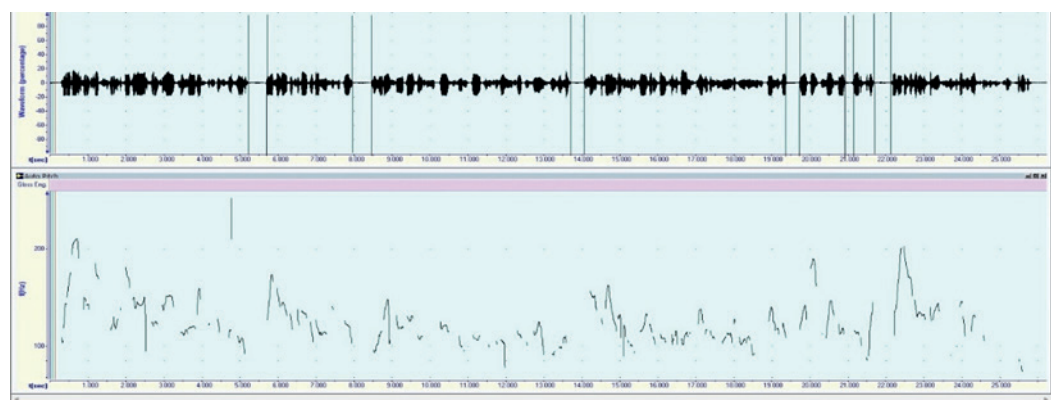

Рис. 1. Осциллограмма и тонограмма устного неспонтанного дискурса /

Fig. 1. Oscillogram and tonogram of spoken not spontaneous discourse

2. Устный спонтанный дискурс

«Би түрүүшынхье эхэе, тиигээд, э ... (0,1993), намда үзэ аймшагтай байгаа, э ... (0,0925), унаан дээрэ. а... (0,1252) / Тиихэдэ би өөрөө хадаа, э... (0,0682), кафедрын, эм, туризмын кафедра һуранаб и тиигэд саашада энэ, ... (0,1277) э, мэргэжэлэрээ хүдэлхэ гэжэ һанана, ехэ һананаб».

Узуально-нормативный перевод на русский язык: «Я проводила экскурсию в первый раз в трамвае, поэтому для меня было очень страшно. Я сама обучаюсь на кафедре туризма, думаю, что буду продолжать работать в этой профессии, очень хочу этого».

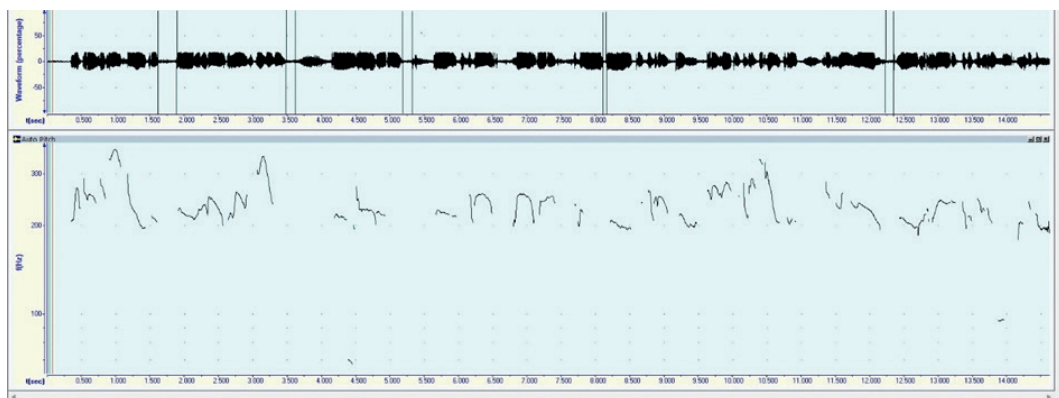

Рис. 2. Осциллограмма и тонограмма устного спонтанного дискурса /

Fig. 2. Oscillogram and tonogram of spoken spontaneous discourse

В неспонтанном устном дискурсе (пример 1) представлен дискурс ведущего государственного телеканала «Вести Бурятия»: текст его речи заранее подготовлен до начала коммуникативного акта, соответствует нормам литературного языка и, как предполагается, представлен на экране телесуфлера, что в совокупности с его опытом работы в телестудии обеспечивает ему спокойное психологическое состояние, отсутствие волнения при производстве устной речи.

В спонтанном устном дискурсе (пример 2) представлен монолог, являющийся скрытой формой диалога, так как он представляет собой ответ студентки-экскурсовода на вопрос корреспондента, не прозвучавший в записи эфира. Речь студентки не подготовлена заранее, хотя тема высказывания для говорящей, как и для ведущего телепередачи, известна. Респондент испытывает волнение, что является, как нам кажется, естественным для человека, чья основная деятельность не связана с телевидением. Вторая причина, объясняющая ее состояние, — небольшой опыт публичного выступления на бурятском языке, усугубленный недостаточно высокой степенью развития речевых навыков, что подтверждается использованием союза русского языка *и* (вместо бурятского *ба*).

В обоих случаях речь обращена к реальному собеседнику, но в примере 1 адресатом сообщения являются ненаблюдаемые телезрители, а в примере 2 — корреспондент и телезрители. Главный мотив первого дискурса обусловлен событийным аспектом, т.е. информированием общества о социально значимом событии — проведении экскурсий в трамвае для школьников города на бурятском языке. Подобные нововведения являются важным шагом языковой политики региона, способствующим расширению сфер использования миноритарного языка. Основным мотив высказывания в примере 2 заключен в самом вопросе корреспондента, который связывает социокультурную событийность с конкретным реализатором проекта.

В примере 1 (рис. 1) наблюдается соответствие наиболее длительных пауз завершению предложения в пяти случаях из шести; лишь один случай длинной паузы соответствует обозначению связки между частями длинного предложения, что представляется достаточно частым явлением при чтении вслух длинных предложений. В данном примере устного неспонтанного монолога отсутствуют случаи корригирования высказывания, предложения характеризуются грамматической полнотой, также говорящим не используются мимика и жесты для акцентирования смысловых вех в сообщении, что обусловлено самой предметной коммуникативной ситуацией.

В примере 2 (рис. 2) наиболее длительные паузы соответствуют хезитациям, которые заполняются нелексическими звуковыми маркерами (например: [э], [а], [эм]), так как говорящий усиленно ищет (подбирает) соответствующие лексемы и грамматические структуры в момент речепорождения. В данном примере мы видим грамматическую рассогласованность между частями предложения и не совсем удачное корригирование высказывания: «Тиихэдэ би өөрөө хадаа (Тогда я поступила...) ...кафедрын [кафедры, род. п.], ...туризмын кафедра(да) нуранаб (учусь на кафедре туризма)», что, на наш взгляд, также обусловлено ситуацией функционального регресса регионального языка, когда «частотное сознательное и неосознанное говорение на втором языке естественным — нейрофизиологическим — образом может способствовать вытеснению первого языка из зоны функциональной активности», чему можно найти подробное объяснение в монографии П.П. Дашинимаевой и др. «Бурятско-русский билингвизм: психоллингвистический аспект» [8. С. 51]. В качестве другого основания здесь также следует отметить использование говорящим языка тела, в частности мимики (приподнимание бровей) и жестикуляции, указывающим, как нам кажется, на эмоциональное состояние, вызванное в том числе неудовлетворением автора своим речевым статусом.

Заключение

В целом вопрос природы спонтанного дискурса на региональном языке представляет собой отдельное системное исследование: в рамках заданной в этой статье цели мы лишь коснулись одной грани проблемы.

В заключение предлагаем понимать устную спонтанную речь в широком смысле как неподготовленную и незапланированную до момента вступления в коммуникативную ситуацию и не заученную наизусть речь в узком, т.е. психоллингвистическом аспекте — как неподготовленный до момента вступления в коммуникацию процесс устного речепорождения, при котором низкий, но не равный нулю уровень вариативности высказывания и время (в том числе хезитации), затрачиваемое на планирование, не мешают оказать ожидаемое коммуникативное воздействие на воспринимающего дискурс субъекта.

Список литературы

1. *Лурья А.* Язык и сознание. СПб. : Питер, 2019.
2. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М. : КРАСАНД, 2020.
3. *Кибрик А.А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. М. 2003.
4. *Стариченок В.Д.* Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008.
5. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Изд. стереотип. СПб. : Питер, 2021.
6. *Филд Дж.* Психолингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами) / пер. с англ. М. : Издательство ЛКИ, 2012.
7. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М. : Языки славянских культур, 2009.
8. *Дашинимаева П.П., Дыркеева Г.А., Жалсанова Ж.Б., Хилханова Э.В.* Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010.

References

1. Luriya, A. 2019. Yazyk i soznanie. Stereotyp. ed. St. Petersburg: Piter publ. Print. (In Russ.).
2. Leontiev, A.A. 2020. Psikholingvisticheskie edinitsy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya. Stereotyp. ed. Moscow: KRASAND publ. Print. (In Russ.).
3. Kibrik, A.A. 2003. Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive: dissertatsiya v vide nauchnogo doklada, sostavlenaya na osnove opublikovannykh rabot, predstavlenaya k zashchite na soiskanie uchenoy stepeni doktora philologicheskikh nauk. Moscow. (In Russ.).
4. Starichenok, V.D. 2008. Bol'shoi lingvisticheskii slovar'. Rostov-na-Donu : Feniks publ. Print. (In Russ.).
5. Vygotskii, L.S. 2021. Myshlenie i rech'. Stereotyp. ed. St. Petersburg : Piter Print. (In Russ.).
6. Fild, J. 2012. Psikholingvistika: Kluchevye kontsepty. Entsiklopediya terminov (s angliiskimi ekvivalentami). Translated by I.V. Zhuravleva and Yu.E. Levi. Moscow: Izdatel'stvo LKI publ. Print. (In Russ.).
7. Kibrik, A.A., and V.I. Podlesskaya, eds. 2009. Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur publ. Print. (In Russ.).
8. Dashinimaeva, P.P., G.A. Dyrkheeva, Zh.B. Zhalsanova, and E.V. Khilkhanova. 2010. Buryatsko-russkii bilingvizm: psikholingvisticheskii aspekt. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Нимаева Эржена Зориктоевна — аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. E-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3505-0895

Bio Note:

Erzhena Z. Nimaeva is a Postgraduate student, Department of Russian Language and General Linguistics of Dorzhi Banzarov's Buryat State University. E-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3505-0895